

Ю.М. Гончаров

Проблемы изучения социальной стратификации населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.*

Yu.M. Goncharov

Problems of the Study of Social Stratification of the City Population in Western Siberia in the Second Half of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries

Статья посвящена социальной стратификации населения городов Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. с сословной точки зрения. Рассмотрены правовое положение городских сословий, численность и сословный состав городского населения в исторической динамике.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, приказчики, институционализация приказчиков, Кузнецкая канцелярия, управленческая доктрина, судные избы.

Изучение проблем развития населения в исторической динамике является одним из важных направлений отечественной историографии. Вопросы социальной структуры населения занимают в этой проблематике не последнее место. Тем не менее сказать, что все проблемы решены, было бы неправильно. Это особенно верно для пореформенного периода, в течение которого в Российской империи происходили масштабные социальные сдвиги. Советская историография, несмотря на ее значительные достижения, вынуждена была развиваться в жестких идеологических рамках и в силу этого базировалась на концепциях и терминологии, разработанных во второй половине XIX в., в отличие от западной науки, где вопросы социальной стратификации, социальной мобильности, терминологии и моделей социальных изменений были предметом постоянных дискуссий. В центре внимания советской историографии были проблемы классовообразования классов буржуазного общества и разложения сословной структуры общества, при этом сами термины «класс» и «сословие» использовались в том же понимании, какое в них вкладывали классики марксизма более сотни лет назад. Кроме того, следуя концепциям марксизма, советские ученые неохотно употребляли юридические термины для описания социальных и экономических групп и ввели гибридный термин «класс-сословие», чтобы подвести «экономический фундамент» под традиционную сословную модель общества.

The article is devoted to the social stratification of the city population in Western Siberia in the second half of the XIXth – the beginning of the XXth centuries from the estate point of the view. It examined the legal position of urban estates, the size and social structure of the urban population in the historical dynamics.

Key words: social stratification, city, Siberia, estate, XIXth century.

В целом, советская историография собственно социальным вопросам уделяла незначительное внимание, несмотря на то, что сословный строй существовал в России вплоть до 1917 г. и сословная парадигма была присуща массовому общественному сознанию. Кроме того, несмотря на значительное число работ, посвященных отдельным сословным и социальным группам, существует немного исследований, затрагивающих развитие сословного строя в целом. Все это делает актуальным изучение сословного состава населения Российской империи в исторической динамике, в том числе и на региональном материале.

Предмет исследования статьи — социальная стратификация населения городов Западной Сибири в сословной точке зрения. Территориальные рамки исследования — Западная Сибирь в административных границах Томской и Тобольской губ. и Омского уезда Акмолинской обл. Регион представляет значительный интерес, поскольку в указанный период являлся районом интенсивной колонизации и быстрого роста городского населения.

Основными источниками послужили различные статистические материалы: отчеты, справочники, материалы однодневных городских переписей и переписи 1897 г., а также различная делопроизводственная документация местных и центральных архивов.

До революции в изучении истории городского населения региона определенный вклад внесли такие авторы, как Н. А. Абрамов, К. М. Голодовников,

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00082а и РФФИ, проект № 11-06-00135-а.

Н. М. Костров, И. И. Завалишин. В последующие годы, как уже упоминалось, основное внимание историков было привлечено не к сословной, а классовой структуре общества, и история населения сибирского города нашла свое отражение в исследовании сибиреведов в контексте общих вопросов, связанных с изучением отдельных городов, развития торговли, городского самоуправления, социально-экономического развития городов (о дореформенном городе — работы В. В. Рабцевич, Д. Я. Резуна, М. Г. Рутц, А. Р. Иволина, В. П. Шахерова и др.). Основной массив литературы по истории пореформенного города, касающейся данной темы, составляют работы, посвященные истории отдельных городов региона (работы Н. Ф. Емельянова, А. Д. Колесникова, В. А. Скубневского, Н. М. Дмитриенко и др.). Несколько статей сибиреведов специально посвящены социальному составу населения отдельных городов [1; 2]. В целом, среди сибирского социума наиболее изученным является крестьянство. В последние десятилетия интенсивно изучается купечество [3], появились и работы, специально посвященные самому массовому городскому сословию — мещанству [4; 5].

Социальный состав населения городов рассматривался также в работах по истории народонаселения. Несмотря на богатство существующей литературы, до сих пор не имеется работ, рассматривающих сословный состав населения пореформенного города Западной Сибири в исторической динамике.

Среди работ зарубежных авторов определенный интерес представляют исследования, посвященные общим вопросам социальной истории России, русскому городу, отдельным сословным группам.

Период, который нас интересует — вторая половина XIX — начало XX в., в отечественной историографии традиционно рассматривается как время быстрого развития капитализма и, как следствие, разложения сословий и формирования классов буржуазного общества. Тем не менее существовавший в Российской империи вплоть до 1917 г. сословный строй означал, что положение человека в обществе во многом определялось тем сословием, к которому он принадлежал. Несмотря на то, что сословный строй в значительной степени разрушен преобразованиями 1860–1870-х гг., самодержавие наперекор объективному ходу событий до конца поддерживало сословную парадигму в российском обществе с помощью законодательных мер.

Законодательство Российской империи (IX том Свода законов, Законы о состояниях) определяло четыре главных сословия — дворяне, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели (крестьяне). Однако сословных категорий было значительно больше. Так, среди дворянства выделяются дворяне потомственные и личные. С дворянским сословием пересекалась особая социальная категория — чиновники. Духовенство делилось на белое и черное (мо-

нашествующее). Городские обыватели также подразделялись на несколько сословных групп: почетные граждане (личные и потомственные), купцы, мещане, цеховые ремесленники. Существовало также особое воинское (солдатское) сословие, куда входили нижние чины, бессрочноотпускные и отставные солдаты с их семьями. Особой категорией сельских обывателей являлось казачье сословие. Поскольку часть сельских обывателей постоянно проживала в городах, в документах выделялись такие категории, как городские крестьяне и городское казачество. Значительная часть населения, которая не относилась ни к одной вышеуказанной категории, обозначалась термином «разночинцы». Кроме того, в городах Сибири существовала еще и такая категория населения, как ссыльные. Очень часто между различными категориями населения не было четких границ, не случайно известный статистик начала XX в. Н. А. Рубакин отмечал, что «у нас не редко встретить человека, который и сам не знает, к какому сословию он принадлежит» [6, с. 53]. В целом реальная жизнь не укладывалась в юридически закрепленную четырехчленную сословную систему, и сама сословная система была очень изменчивой [7, р. 23]. Тем не менее в социально-экономическом развитии сибирского города основную роль играли собственно городские сословия.

Во второй половине XIX в. в правовом положении горожан происходят значительные изменения. Отмена крепостного права, буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. и перемены в социально-экономической жизни общества неизбежно повлекли за собой изменения в правовом статусе городского населения. Причина в том, что хотя многие реформы и принимали во внимание различия между сословиями, но в то же время они были лишены строгого сословного начала. Такими судебная, военная, полицейская реформы. Благодаря этому в пореформенное время сословия стали постепенно утрачивать свои специфические права и в правовом положении сближаться друг с другом. Исследователи отмечали, что реформы были именно «всословными», а не «бессословными», и это действительно важное различие [7, р. 26]. Можно согласиться с известным западным историком А. Рибером, который писал: «Великие реформы» 60–70-х гг. XIX в. постепенно снижали барьеры, которые разделяли население России на наследственные сословия, но они не отменили полностью законодательные различия, которые продолжали препятствовать формированию внутри России социальных классов и национального гражданства, по крайней мере, в том смысле, в каком они известны в Западной и Центральной Европе» [8, р. 80].

В целом можно согласиться с современником, давшим такую характеристику сословного строя в России: «Закон дает нам названия сословий, но большинство их вовсе не составляет единого целого, даже

дворяне делятся на потомственных и личных, духовенство — по вероисповеданиям и т. д. ... некоторые из “сословных состояний” не наследственны, даже не пожизненны и вообще не замкнуты» [6, с. 53–54].

Интересно, что современники часто отмечали особенности сословий в Сибири. Так, например, И. Завалишин писал: «Однако, сословия, составляющее это племя [сибиряков], во многом разнятся ныне от сословий внутренней России и придают жизни сибирской много отличия от жизни русской. В Сибири потомственного дворянства нет ... Купцы и мещане сибирские, в образе жизни и понятиях не отличаются от чиновников и вовсе не похожи на русских купцов и мещан. Сибиряки в податных сословиях, — народ чисто практический, гоняющийся непременно за житейским ... особой набожностью в них не заметно. Сибирское белое духовенство несравненно социальнее, образованнее и развязнее духовенства русских губерний» [9, с. 81–82].

Сословный состав населения городов Западной Сибири в начале 1860-х гг. был следующим: потомственных и личных дворян насчитывалось 6779 чел., что составляло 5,6% всего городского населения. Дворянство размещалось по городам региона неравномерно. Наибольшая его численность отмечена в губернских городах — Тобольске (866 чел.) и Томске (850 чел.), а также в Омске (2565 чел.), где размещались значительные воинские силы и было много дворян-офицеров.

Духовное сословие традиционно было одним из самых малочисленных — всего 2249 чел., или 1,9% населения. По численности духовных лидировали также крупнейшие города — Тобольск (758 чел.), Томск (286 чел.) и Омск (172 чел.). Наибольшая численность купцов и почетных граждан наблюдалась в наиболее развитых в торговом отношении городах региона — Тюмени (904 чел.), Томске (875), Колывани (683) и Бийске (584). В целом по всем городам региона купцы составляли 5,3%. Доля мещанства как самого массового городского сословия составляла 40,9% при численности 49705 чел. Крестьяне в начале 1860-х гг. составляли еще незначительную часть населения городов — в целом по губернии 9,3% (11238 чел.). Особой категорией населения сибирских городов были ссыльные. Источник показывает общую численность ссыльных 996 чел., или 0,8% всего населения. Однако эта цифра требует оговорок, поскольку действительная численность ссыльных в сибирских городах была значительно выше. Существовавший порядок позволял ссыльным причисляться к городским сословиям без согласия общества, после чего они предпочитали указывать себя именно как мещане или цеховые. Довольно значительной была категория «прочие» — 11,1% (13516 чел.), в которую включались инородцы, иностранные подданные, разночинцы и люди неопределенного состояния.

Второй по численности после мещан категорией населения в городах региона были военные. На примере этой категории населения, которая, кстати, не относилась ни к одному из юридически существующих четырех сословий, можно продемонстрировать сложность и разнообразие социальных категорий населения страны. Самая большая численность военных была в это время в Омске — 12380, Тобольске — 3314, Барнауле — 2851 и Томске — 2834 чел. Именно эти города имели в регионе наибольшее административное значение: центры генерал-губернаторства, двух губерний и горного округа. Большая часть военных Западной Сибири была сосредоточена в городах Тобольской губ. — 22588 чел., что составляло почти треть городского населения губернии — 31,7%. Наиболее «милитаризованным» было население Сургута (79,3%), Омска (63,3%) и Березова (38,5%). Однако в Сургуте и Березове высокая доля военных объясняется значительным количеством казаков, где казаки по традиции были практически единственным видом вооруженных сил, кроме того, многие из них службы не несли и относились к данному сословию в силу традиции. Омск же был настоящим военным лагерем. Только к регулярной армии здесь относилось 5945 чел. Самой многочисленной в регионе была в Омске и категория казаков — 3610 чел. Как отмечали современники, военные играли главенствующую роль в жизни города: «Военные являлись, так сказать, “первым сословием”, державшим в руках власть. ... Офицерство и военное чиновничество составляли “общество”, которое создавало “общественное мнение” города» [10, с. 40]. Омск в середине XIX в. был главным опорным пунктом русского продвижения в Среднюю Азию, что и объясняет его военизированность.

В городах Томской губ. различных категорий военных насчитывалось 7864 чел., или 15,6% городского населения. Наибольшую долю горожан военные составляли в Кузнецке — 29,4%, Барнауле — 27,8% и Каинске — 26,0%.

В целом в городах Западной Сибири проживало в начале 1860-х гг. более 30 тыс. военных, или 25% всего населения. Для сравнения можно сказать, что в городах европейской части страны в 1858 г. военные составляли 14,1% [11, с. 120]. Однако необходимо признать, что средние цифры по региону сильно поднимал военизированный Омск, а в городах Томской губ. доля военных была немногим выше, чем в среднем по стране. Это объясняется тем, что Томская губ. была внутренним районом Западной Сибири, значительно удаленным от возможных театров военных действий, поэтому держать здесь крупные воинские формирования не имело смысла.

Для сравнения можно привести данные о распределении городского населения Европейской России в 1858 г., когда дворяне составляли 5,2%, духовен-

ство — 1,6%, городские сословия (купцы, почетные граждане, мещане, цеховые ремесленники) — 54,7%, сельские сословия (крестьяне) — 20,2%, военные — 14,1%, прочие — 4,2% [12, с. 61].

Великие реформы 60–70-х гг. XIX столетия привели в движение всю страну. Крестьянская реформа, не коснувшись непосредственно Сибири (за исключением приписных крестьян Алтая), облегчила возможность перемены места жительства для значительной части населения страны, военная реформа юридически упразднила военное сословие, было разрешено (в 1865 г.) переселение крестьян на Алтай. Все это не могло не сказаться и на составе населения сибирского города.

По данным 1880 г. численность мещан в городах региона достигла уже 68580 чел., что составляло 43,7% городского населения (156911 чел.). Доля мещан была выше в городах Томской губ. — 49,5% и ниже в Тобольской — 45,8% [13, с. 7–204]. Нетрудно заметить быстрый рост численности мещанства в пореформенное время. Главным источником роста было переселение. Так, в состав барнаульских мещан с 1865 по 1878 г. перечислилась 421 семья переселенцев из Европейской России, к бийскому мещанскому обществу с 1875 по 1879 г. таких переселенцев причислилось 1337 чел. [13, с. 163, 183, 189].

Причисления в мещанские общества городов объяснялись не только переселениями. Как писал Н. А. Костров, «в последнее время число мещан г. Томска значительно увеличилось, потому что, с уничтожением подушной подати с этого сословия, которая остается для крестьян на прежнем основании, и с обложением мещан только налогом с недвижимых имуществ ... замечается всеобщее стремление к переходу в мещане. Таким образом, в течение 1879 г. перечислилось в томские мещане 476 душ разного звания, а в 1880 г. 467 душ в течение одной только январской трети. Однако же, значительное число лиц, перечислившись в мещане из крестьян, не проживает в городе, а в прежних местах причисления и занимается хлебопашеством...» [14, с. 35–36].

Формирование мещанского сословия в городах региона имело свои особенности, связанные с тем, что Сибирь являлась местом ссылки. Административные ссыльные, находясь под надзором полиции, записывались в городское сословие с причислением к обществу без его согласия. Доля ссыльных в сибирских городах была довольно значительной. Так, по данным однодневной переписи 16 марта 1880 г., в Томске в общем числе мещан 14,5 тыс. чел. 973 чел. (6,7%) показаны перечислившимися из ссыльных [14, с. 16].

В отношении второй по численности в городах сословной группы — военных, к 1880 г. положение изменилось незначительно. Можно отметить, что за 20 лет общая численность военных немно-

го выросла, но их доля в населении городов региона упала с 25 до 20%. Так, в Омске они составляют уже меньше половины населения — 45,1%. Из других городов региона высокой долей военных в населении в 1880 г. характеризовались в Тобольской губ.: Сургут (57,9%), Березов (35,5%), Тобольск (23,2%), Ишим (22,7%). Сургут и Березов по-прежнему выделялись благодаря высокой численности казаков. Однако уже в 1882 г. «высочайше утвержденным 19 мая» мнением Государственного Совета казачья команды в Сургуте, Березове и Нарыме были упразднены, казаки же этих городов, не желающие зачислиться в Сибирское казачье войско, должны были перейти в мещане тех городов, «где они имеют оседлость» [13, с. 70]. Казачьи команды в других городах региона были ликвидированы еще в 1868 г., а сами казаки причислены к городским (а отчасти и сельским) сословиям. Средняя доля военных в городах Тобольской губ. снизилась до 16,3%, Томской губ. — до 13,2%.

Также снизилась доля целого ряда категорий населения. Доля дворян, например, несмотря на численный рост этого сословия (8800 чел.), сократилась с 5,9 до 5,2%, духовное сословие сократилось как абсолютно (до 1950 чел.), так и относительно (до 1,2%). Категория купцов и почетных граждан незначительно выросла по численности (7214 чел.), но уменьшила свою долю (4,3%). Здесь необходимо отметить два момента. Во-первых, гильдейская реформа 1863 г., отменившая самую многочисленную 3-ю гильдию, значительно усложнила причисление к купеческому сословию, что, однако, не повлекло за собой резкого сокращения выбранных гильдейских свидетельств [15, с. 99–100]. Во-вторых, с течением времени в этой категории (купцы и почетные граждане) все большую часть стали составлять люди, не имеющие отношения к предпринимательской деятельности. В частности, по законодательству звание потомственного почетного гражданина присваивалось детям личных дворян. А так как личные дворяне составляли большинство сословия дворян Сибири, то число почетных граждан все время росло.

Сходная ситуация была и в дворянском сословии. Большинство дворян были личными (т. е. непотомственными). Так, например, в Барнауле по однодневной городской переписи 1895 г. из 1239 чел. дворянского сословия 884, или 71,3% были личными дворянами [16, с. 46]. Вот мнение современника о сибирских дворянах: «Что же касается дворян, то все они принадлежат к классу чиновников и составляют большею частью пришлый элемент. Настоящего дворянского сословия в Томской губ., как и вообще в Сибири, совершенно нет» [17, с. 34–35].

В то же время за эти годы значительно выросла как абсолютная (до 31009 чел., или почти в 3 раза), так и относительная численность крестьян (до 18,5%, или почти в 2 раза). К числу самых «крестьянских» го-

родов относились Ялуторовск (41,4%), Томск (31,9%), Курган (31,4%), Тюмень (29,3%).

В соответствии с источниками можно отметить резкий рост ссыльных — в 8 раз по абсолютной численности (с 996 до 7984 чел.) и в 6 раз по относительной (с 0,8 до 4,8%). Однако это, скорее всего, произошло из-за особенностей источников, по-разному учитывавших эту категорию. Во многих источниках большинство ссыльных отнесены к другим категориям населения. Так, по материалам однодневной переписи Томска 1880 г., численность ссыльных составляет 551 чел., или 1,6%. В то же время в материалах переписи указывается, что еще 2286 ссыльных записаны в числе мещан и крестьян [14, с. 32]. Таким образом, реальная доля ссыльных в населении Томска составляла 8,4%.

Категория «прочие» к 1880 г. сократилась и составила всего 3,8% населения городов губернии. Вот как эту категорию определяли в материалах однодневной городской переписи Тобольска 1882 г.: «Группа лиц, показавших себя при производстве переписи разночинцами, в которую вошли канцелярские чиновники, почтальоны, псаломщики, чертежники и т. п.» [18, с. 368].

Материалы переписи 1897 г. дают ценные и, что важно, хорошо сопоставимые по разным городам и регионам данные о сословном составе населения. По первой всеобщей переписи 1897 г. в городах Западной Сибири насчитывалось уже 121,5 тыс. мещан, они составляли 48,1% от численности городского населения региона (252,7 тыс.) [19, с. 161]. Доля мещанства в городском населении различалась как по отдельным городам, так и по губерниям. В городах Томской губ. мещане составляли 56,9%, Тобольской — 39,8%. По отдельным городам наибольшей доля мещанства была в Бийске — 81,3, Кольвани — 79,2, Нарыме — 78,3, Мариинске — 76,3, Барнауле — 61,4%. Ниже всего процент мещан был в Тобольске — 38,6, Омске — 37,3, Кургане — 36,4, Тюмени — 36,2% [20, с. 46–47; 21, с. 40–41; 22, с. 2].

Данные переписи показывают численный и относительный рост дворянства. К 1897 г. их численность увеличилась до 17298 чел., или 7,1%. Средний процент дворянства по региону сильно поднимал Омск, где числилась почти треть дворян региона — 5136 чел. (13,7% населения города). Значительной прослойка дворян была также в Томске (4402 чел., или 8,4%) и Тобольске (2445 чел., или 12,0%).

Купеческое сословие в 1880–1890-х гг. продолжало уменьшаться. По материалам переписи купцы и почетные граждане составляли всего 2,3% населения городов (546 чел.). Наиболее представительным это сословие было в Томске — 1921 чел., или 3,7%.

За этот период быстро растет доля крестьянства в населении городов. В 1897 г. они являлись уже второй по численности группой населения — 89212 чел., или 36,4%. Во многих городах крестьяне составляли

уже более половины населения: в Тюмени (56,7%), Кургане (52,6%), Туринске (51,7%), Ишиме (50,6%) и Тюкалинске (50,6%).

Категория «прочих» была незначительной. Оставшись практически на том же количественном уровне, она уменьшилась до 2,8%. В эту категорию вошли следующие группы, указанные в материалах переписи: инородцы, финляндские уроженцы, иностранные подданные, лица, не принадлежащие к этим сословиям, и лица, не указавшие сословий. Нетрудно заметить, что на протяжении пореформенного периода категория «прочих», т. е. не вошедших в основную номенклатуру состояний, уменьшается, хотя, казалось бы, размывание сословного строя должно было приводить к ее увеличению. Тем не менее содержащиеся в переписных листах переписи 1897 г. ответы на вопрос о сословной принадлежности говорят о том, что юридическое сословное деление общества не вмещало все категории населения. Так, встречались такие записи: «вдова фейерверкера», «фельдшер запаса», «сельская повивальная бабка», «сын отставного солдата», «провизор», «телеграфист», «отставной кандидат», «вдова учителя» и др. [23]. Ссыльные не учитывались переписью, но число ссыльных в сибирских городах по-прежнему было значительным. Так, например, в 1899 г. в Кургане насчитывалось 2883 ссыльных, или почти четверть населения города [24, с. 76].

Введение всеобщей воинской повинности в 1874 г. означало отмену правовой базы для существования особого военного сословия, так как призывавшиеся в армию всего на несколько лет на время службы и после нее сохраняли свое прежнее сословное звание. Категории отставных и бессрочноотпускных солдат, солдатских детей и кантонистов перестают пополняться и к концу XIX в. почти исчезают из документации по учету населения. Остатки военного сословия растворились среди городского населения.

Для сравнения можно сказать, что сословный состав городского населения в Европейской России по материалам переписи 1897 г. был следующим: дворяне (потомственные и личные) — 6,6%, купцы и почетные граждане — 3%, мещане 43,4%, крестьяне — 43,5% [25, с. 316].

В начале XX в. внимание к сословному делению общества уменьшается. Так, например, в материалах Центрального статистического комитета этого времени, отложившихся в РГИА, содержится много информации по национальному, конфессиональному, имущественному составу населения городов империи, но практически исчезают данные по сословному составу, что говорит о снижении значения сословного деления общества. Тем не менее имеются определенные данные, позволяющие рассмотреть сословную структуру и в эти годы.

К началу второго десятилетия XX в. численность мещанства в городах региона превысила 200 тыс. чел.

и продолжала расти. Например, в Омске в 1909 г. насчитывалось 29422 мещан (33,1% всего населения), а на 1 января 1913 г. уже 42203 (30,8%) [26]. В Томской губ. рост численности мещанства происходил не только за счет старых городов, но также и в результате образования новых. В начале XX в. статус города в регионе получили: Новониколаевск, Камень, Боготол, Тайга, Татарск. И хотя в быстрорастущем Новониколаевске мещане составляли в 1913 г. всего 26% жителей, только в этом городе их было более 23 тыс. чел. [27, с. 286].

В Тобольской губ. в 1910 г. можно отметить значительное снижение со времени переписи 1897 г. доли дворянства. Даже в губернском Тобольске численность сословия сократилось с 2445 до 976 чел. В целом по губернии доля дворян составила 1,8%. То же самое можно сказать о духовенстве. Сокращение абсолютной численности духовного сословия прослеживается практически во всех городах. В целом доля духовных в городах губернии составила 0,6%. Несколько возросла численность купцов и почетных граждан, но их процент продолжал снижаться и составил 1,9%. По-прежнему наиболее массовыми были сословия мещан и крестьян. В городах Тобольской губ. в 1910 г. насчитывалось 57835 мещан (44,2%), кроме того, 4224 мещанина постоянно проживали в уездах. Обращает на себя внимание значительный рост категории «прочих», доля которых достигла максимума за весь период и составила в городах губернии 15,2%. Крестьяне насчитывали 47555 чел., или 36,3%. Доля крестьян особенно быстро росла в городах региона после проведения железной дороги. И это было наиболее заметно в крупных городах, расположенных на железнодорожной магистрали.

Таким образом, источники позволяют выявить динамику сословного состава населения городов Западной Сибири в изучаемый период. Отчетливо заметно сокращение целого ряда сословных категорий. Так, военные в начале 1860-х гг., являвшиеся второй по численности группой среди горожан на протяжении пореформенного периода, сходят на нет. Устойчивое снижение отмечается для купцов и почетных граждан (с 5,3% в 1860/63 гг. до 1,9% в 1910 г.), а также духовного сословия (с 1,9 до 0,6%). Доля самого массового городского сословия — мещан — на протяжении всего периода колебалась в пределах 41–49%. Самый быстрый рост отмечен в сословии крестьян. Если в начале 1860-х гг. они составляли 9,3% горожан, то в начале XX в. уже более 36%, что объясняется последствия-

ми крестьянской реформы, процессами развития капитализма и отмечено для других регионов страны. Интересна динамика категории «прочие», доля которых устойчиво снижалась на протяжении пореформенного периода, а в начале XX в. быстро росла. Это объясняется, по-видимому, тем, что в пореформенный период различные переходные и маргинальные сословные группы, существовавшие в дореформенной России, постепенно исчезают и растворяются среди других сословий. В начале же XX в., когда сословное деление общества становится уже анахронизмом, в сибирском городе появляются все новые и новые категории населения (в основном выделяемые по профессиональному признаку), которые совершенно не укладываются в традиционную сословную систему.

Таким образом, исходя из вышесказанного можно сделать следующие выводы: 1) история формирования и развития сословного строя в отечественной историографии разработана слабо; 2) сословное законодательство Российской империи также было слабо разработано и не давало четких юридических определений всем существующим категориям населения (законодательство всегда отстает от реальной ситуации, но нечеткость российского сословного законодательства отражала нечеткость и расплывчатость реальной социальной структуры общества); 3) существующие источники смешивают различные сословные категории населения, в силу чего данные о некоторых группах в разные периоды часто несопоставимы друг с другом; 4) сословная структура населения в городах Западной Сибири в пореформенный период претерпевала значительные изменения, связанные с социально-экономическими процессами, протекавшими в стране и регионе.

В городах, в условиях более быстрого, чем в деревне, развития капитализма, интенсивно шли процессы классовобразования. В городе рушились сословные перегородки, на рубеже XIX–XX вв. на первый план все отчетливее выступало деление не по сословиям, а по занятиям, по способу извлечения дохода и заработка, последствия Великих реформ разрушали сословный строй. Однако несмотря на то, что сословия в пореформенное время постепенно утрачивают свои специфические сословные привилегии, несмотря на активно протекавшие в обществе процессы образования классов буржуазного общества, сословная организация населения имела большое значение.

Библиографический список

1. Дмитриенко Н. М. О социальном составе населения Томска (конец XIX в. — 1917 г.) // Рабочие Сибири в конце XIX — начале XX вв. — Томск, 1980.

2. Гончаров Ю. М. Население г. Колывани в середине XIX — начале XX в. // Алтайский сборник. — Барнаул, 2000. — Вып. 20.

3. Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Купечество Алтая второй половины XIX — начала XX в. — Барнаул, 2001.
4. Гончаров Ю. М. Мещанское сословие Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. — 2000. — №3.
5. Гончаров Ю. М., Чутчев В. С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в. — Барнаул, 2004.
6. Рубакин Н. А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы. — СПб., 1912.
7. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // *The American Historical Review*. — Vol. 91. — 1986. — №1.
8. Rieber A.J. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. — Chapel Hill, 1982.
9. Завалишин И. Описание Западной Сибири. — М., 1862.
10. Майский И. М. Воспоминания советского посла. — Кн. 1: Путешествие в прошлое. — М., 1964.
11. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки. — М., 1956.
12. Рашин А. Г. Динамика численности и процессы формирования городского населения России в XIX — начале XX в. // Исторические записки. — Т. 34. — М., 1950.
13. Экономическое состояние городских поселений Сибири. — СПб., 1882.
14. Костров Н. А. Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 года. — Томск, 1880.
15. Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX — начала XX вв. — М., 1999.
16. Щецов С. П. Город Барнаул по переписи 26 марта 1895 г. // Алтайский сборник. — Т. 2, вып. 1–2. — Барнаул, 1898.
17. Ефимов А. Православное население Томской губернии по данным 1870–1880 г. — СПб., 1890.
18. Дмитриев-Мамонов А. И. Однодневная перепись населения города Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год. — Тобольск, 1884.
19. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. — СПб., 1905. — Т. I.
20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — Т. 78: Тобольская губерния. — СПб., 1905.
21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — Т. 79: Томская губерния. — СПб., 1904.
22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — Т. 81: Акмолинская область. — СПб., 1904.
23. Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГАТ). — Ф. 417. — Оп. 2. — Д. 1783, 2103–2106, 2668.
24. Емельянов Н. Ф. Город Курган. 1782–1917. Социально-экономическая история. — Курган, 1991.
25. Иванов Л. М. О сословно-классовой структуре городов капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. — М., 1971.
26. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 1288. — Оп. 25. — Д. 85а.
27. Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX — начало XX в.). — Новосибирск, 1978.